

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МЕХАНИЗМ МНОГОУРОВНЕВЫХ ПАРТНЕРСТВ И МНОГОСТОРОННИЕ ПЛАТФОРМЫ

Научная статья

Я.В. Лексютина

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-1792>
E-mail: lexyana@yandex.ru

С приходом к власти в Китае Си Цзиньпина китайская дипломатическая теория стала наполняться новыми смыслами, концепциями и идейными построениями, а дипломатическая деятельность значительно интенсифицировалась. В представленной статье реконструируется взаимодействие Китая со странами Центральной Азии в период с 2001 по 2024 г. через призму проведения Китаем дипломатии партнерских отношений и многосторонней дипломатии. Показано, как при выстраивании двусторонних отношений со странами Центральной Азии Пекин использует механизм многоуровневых партнерств (сотрудническое партнерство – стратегическое партнерство – всеобъемлющее стратегическое партнерство – особое всеобъемлющее стратегическое партнерство), создающий иерархию и стимулирующий динамику отношений Китая со странами-партнерами. Объяснено, почему при проведении многосторонней дипломатии в отношении Центральной Азии Пекином было принято решение о расширении спектра многосторонних механизмов выстраивания отношений за счет создания платформы «Китай + Центральная Азия» («1 + 5»). Значительно интенсифицировавшая в последние несколько лет дипломатическая активность Китая на центральноазиатском направлении, нашедшая свое выражение в модернизации партнерств Китая со странами региона и создании механизма «1 + 5», трактуется как обусловленная тенденцией на формирование регионального взаимосвязанного пространства и обострившейся конкуренцией великих держав в Центральной Азии. Конституруя достижение Китаем во взаимодействии со странами Центральной Азии задачи «трех полных охватов» (полного охвата всех 5 центральноазиатских стран всеобъемлющим стратегическим партнерством, полного охвата всех 5 стран в вопросе их готовности к построению сообщества единой судьбы и полного охвата подписания всеми 5 странами документов о сотрудничестве в рамках инициативы «Пояс и путь») и создание специализированного механизма «1 + 5», автор делает вывод о переходе китайской дипломатии в отношении стран Центральной Азии на качественно новый уровень, способный придать новую динамику развитию торгово-экономического и иных векторов сотрудничества Китая со странами региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, дипломатия партнерств, стратегическое партнерство, «Большая игра», «Китай + Центральная Азия», механизм «1 + 5», конкуренция великих держав, ШОС.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00249, <https://rscf.ru/project/24-28-00249>.

Для цитирования: Лексютина Я.В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 2. С. 114–126.

CHINA'S DIPLOMACY IN CENTRAL ASIA: PARTNERSHIP UPGRADING MECHANISM AND MULTILATERAL PLATFORMS

Research article

Y.V. Leksyutina

*Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-1792>
E-mail: lexyana@yandex.ru*

With Xi Jinping's rise to power in China, Chinese diplomatic theory began to be filled with new meanings, concepts and ideological constructs, and diplomatic activity significantly intensified. This article reconstructs China's engagement with Central Asian countries in the period from 2001 to 2024 through the prism of China's partnership diplomacy and multilateral diplomacy. It shows how, when building bilateral relations with Central Asian countries, Beijing uses a mechanism of multi-level partnerships (cooperative partnership – strategic partnership – comprehensive strategic partnership – special comprehensive strategic partnership), which creates a hierarchy and stimulates the dynamics of China's relations with partner countries. It explains why, when conducting multilateral diplomacy in Central Asia, Beijing decided to expand the range of multilateral mechanisms by creating the «China + Central Asia» («1 + 5») platform. China's diplomatic activity in Central Asia, which has significantly intensified in recent years, as revealed in the upgrading of China's partnerships in the region and in the creation of the «1 + 5» mechanism, is interpreted as conditioned by the ongoing regional integration process and the intensified great power competition in Central Asia. Noting that China has achieved the task of «three full coverages» in Central Asia (full coverage of all 5 Central Asian countries with a comprehensive strategic partnership, full coverage of all 5 countries with their readiness to build a community of common destiny with China and full coverage of the signing by all 5 countries of Belt and Road Initiative documents), the author concludes that Chinese diplomacy towards Central Asian countries has reached a qualitatively new level, capable of giving new dynamics to the development of trade, economic and other vectors of cooperation between China and the countries of the region.

Key words: *Central Asia, China, partnership diplomacy, strategic partnership, New Great Game, «China + Central Asia», «1 + 5» mechanism, great power competition, the SCO.*

Funding: the article is supported by the Russian Science Foundation grant № 24-28-00249, <https://rscf.ru/project/24-28-00249>.

For citation: *Leksyutina Y.V. China's diplomacy in Central Asia: partnership upgrading mechanism and multilateral platforms // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 2. P. 114–126. (In Russ.)*

Введение. С момента установления дипломатических отношений между Китаем и странами Центральной Азии в 1992 г. уже миновало свыше трех десятилетий. За этот период стороны прошли долгий путь – от обсуждения и решения вопросов демилитаризации пограничных районов, налаживания доверия в военной сфере вдоль границ и прохождения государственных границ до выстраивания координации в це-

лях обеспечения региональной безопасности и продвижения экономического сотрудничества в рамках ШОС, а теперь уже и при содействии шестистороннего механизма «Китай + Центральная Азия». На двустороннем уровне политическое взаимодействие Китая и стран региона было быстро дополнено торгово-экономическим. Интенсивное развитие получило сотрудничество в области традиционной энергетики,

а затем – и в сфере инфраструктурного развития региона. В последние годы активизировалась работа по развитию международных транспортных коридоров через Центральную Азию. По мере происходящих в китайской внешней торговле качественных трансформаций фокус во взаимодействии между Китаем и странами Центральной Азии смещается в сферу высоких технологий и инновационных форм сотрудничества, таких как, например, «зеленые» технологии, «зеленая» энергетика, цифровая экономика, трансграничная электронная торговля.

Значимость Центральной Азии для Пекина сложно переоценить. Регион важен с точки зрения обеспечения безопасности западных границ и регионов Китая, купирования уйгурской угрозы, в контексте афганской проблематики, обеспечения энергетической и иной ресурсной безопасности Китая, транспортной связанности китайской экономики с рынками Европы и Ближнего Востока. Центральная Азия рассматривается в качестве ключевого региона для реализации инициативы «Один пояс, один путь» в Евразии [Ван, 2024].

Выстраивание взаимодействия со странами Центральной Азии занимает важное место в системе координат китайской дипломатии. Значимость этого региона проявляется на всех четырех уровнях современной китайской дипломатии: на уровне «периферийной/добрососедской дипломатии» (周边外交) благодаря географическому соседству; на уровне «дипломатии в отношении развивающихся стран» (发展中国家外交) в силу принадлежности стран региона к кругу развивающихся стран; на уровне «дипломатии в отношении крупных/великих держав» (大国外交) из-за обостряющегося соперничества великих держав в Центральной Азии; на уровне «многосторонней дипломатии» (多边外交) ввиду наличия многосторонних механизмов, включающих страны региона и Китай [Leksyutina, 2024: 144].

Залогом динамичного развития торгово-экономического сотрудничества и других направлений развития отношений, как видится в Пекине, выступает налаживание тесного межгосударственного политического взаимодействия и состыковка нацио-

нальных программ развития. Осуществление успешной дипломатической деятельности с акцентом на дипломатию глав государств закладывает прочную основу и представляет собой отправную точку для комплексного развития взаимодействия Китая с Центральной Азией.

В фокусе внимания статьи находятся активно используемые в дипломатическом инструментарии Китая в целях укрепления основы и стимулирования межгосударственных отношений два механизма – механизм многоуровневых партнерств, применяемый при выстраивании Пекином взаимодействия на двусторонней основе и создающий определенную иерархию отношений Китая со странами-партнерами, а также механизм многостороннего практического взаимодействия. Взаимодействие Китая со странами Центральной Азии в период с 2001 по 2024 г. реконструируется именно через призму проведения Китаем дипломатии партнерских отношений и многосторонней дипломатии.

Модернизация китайских партнерств со странами Центральной Азии. Одной из характерных черт современной китайской дипломатии является построение системы партнерств¹, позволяющей, с одной стороны, систематизировать и выстраивать иерархию межгосударственных связей Китая, а с другой – формировать сеть патрон-клиентских отношений в условиях приверженности Пекина принципу отказа от заключения военно-политических союзов. С тех пор, как в 1993 г. впервые в истории китайской дипломатии было установлено стратегическое партнерство (между Китаем и Бразилией), сеть стратегических партнерств Китая расширилась до более чем 100 стран-партнеров, а сама система приобрела в целом упорядоченный и иерархичный вид.

В китайской научной литературе встречаются несколько вариантов классификации партнерств Китая, усредненным из которых является выделение четырех основных уровней партнерств, где 1-й уровень

¹ Среди российских ученых изучением партнерской дипломатии Китая занимались В.Я. Портяков [Портяков, 2011: 204–207] и Е.Н. Грачиков [Грачиков, 2019: 83–93].

(это, например, уровень партнерства Китая с Россией или Пакистаном) – наиболее высокий, свидетельствующий об очень тесном взаимодействии Китая с соответствующей страной или призванный сигнализировать высокую значимость соответствующего партнера для Китая (табл. 1). Переход на более высокий уровень партнерства происходит посредством добавления определенных модификаторов перед официальным наименованием партнерских отношений. При этом есть индикативные модификато-

ры (их три: стратегическое, всеобъемлющее стратегическое и особое всеобъемлющее стратегическое партнерство), которые означают переход партнерства на более высокий уровень и, соответственно, определяют статус партнера в иерархии китайских внешнеполитических приоритетов, а есть модификаторы, не несущие такой функции (таких модификаторов много, они, как правило, отражают различия между китайским партнерами по областям и степени сотрудничества).

Таблица 1

Четырехуровневая система партнерств Китая

Уровень	Наименование уровня партнерства (индикативный модификатор)	Возможные вариации	Характеристики партнерства
1-й уровень	Особое всеобъемлющее стратегическое партнерство (特殊全面战略合作伙伴)	«Всепогодное» (全天候), сотрудничество (协作) или всестороннее (全方位) всеобъемлющее стратегическое партнерство	Высокий уровень сотрудничества на стратегическом уровне и практическая координация действий двух стран; при этом области сотрудничества очень широки
2-й уровень	Всеобъемлющее стратегическое партнерство (全面战略合作伙伴)	Партнерские отношения всеобъемлющего стратегического сотрудничества (全面战略合作伙伴关系), всеобъемлющие стратегические партнерские отношения (全面战略合作伙伴关系) и пр.	Стратегическое сотрудничество между сторонами обширно, глубоко и скоординировано
3-й уровень	Стратегическое партнерство (战略合作伙伴)	Партнерские отношения стратегического сотрудничества (战略合作伙伴关系), стратегические партнерские отношения (战略合作伙伴关系) и пр.	Страны осуществляют определенную стратегическую координацию и сотрудничество на основе дружеских отношений
4-й уровень	Сотрудническое партнерство (合作伙伴)	Отношения всестороннего сотрудничества и партнерства / партнерские отношения всестороннего сотрудничества (全面合作伙关系) и пр.	Двусторонние отношения находятся в основном на уровне дружественного сотрудничества

Источник: составлено на основе статьи Ши Синьи [Ши, 2024: 71].

Как наглядно представлено в табл. 1, в результате динамичного развития двустороннего взаимодействия и координации

действий страны переходят от уровня сотруднического партнерства (合作伙伴) к стратегическому партнерству (战略合作伙伴)

(в наименовании отношений добавляется модификатор «стратегический»), далее – к всеобъемлющему стратегическому партнерству (全面战略伙伴) (добавляется модификатор «всеобъемлющий») и, наконец, к особому всеобъемлющему стратегическому партнерству (特殊全面战略伙伴) (могут добавляться особые модификаторы типа «всепогодный» (全天候), «сотруднический» (协作) или «всесторонний» (全方位)). Как указывает китайский эксперт Чжань Дебинь, добавление модификатора «стратегический» сигнализирует улучшение уровня сотрудничества, «всеобъемлющий» указывает на расширение сфер сотрудничества, а такие выражения, как «всепогодный» или «глобальный» (全球), подчеркивают то, что общий характер и стабильность сотрудничества углубились [Чжань, 2016: 88].

Реконструируя процесс развития сети партнерских отношений Китая в Центральной Азии, целесообразно прибегнуть к предложенной китайским ученым Ши Синьни периодизации на три основных этапа [Ши, 2024: 81].

Первый этап, продолжавшийся с 1992 по 2012 г., рассматривается как подготовительный в развитии дипломатии партнерств Китая в Центральной Азии, когда быстрыми темпами развивались отношения Китая с Казахстаном и Узбекистаном, но в целом партнерство Китая с 5 странами Центральной Азии еще не оформилось. Так, в январе 1992 г. Китай установил дипломатические отношения с 5 странами Центральной Азии. После многочисленных раундов консультаций и переговоров Китай полностью закрыл пограничные вопросы с тремя соседними центральноазиатскими государствами – Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Далее последовало подписание договоров о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве: в июне 2002 г. Китай подписал такой договор с Киргизией, в декабре того же года – с Казахстаном, в мае 2005 г. – с Узбекистаном, а в январе 2007 г. – с Таджикистаном. И только в июле 2005 г. в ходе визита тогдашнего председателя КНР Ху Цзиньтао в Казахстан было объявлено об установлении стратегического партнерства между этими странами. В июне 2011 г. стороны объявили о переходе на уровень все-

объемлющего стратегического партнерства. В июне 2012 г., когда тогдашний Президент Узбекистана был приглашен на Пекинский саммит ШОС в Китае, две страны также решили установить стратегическое партнерство.

Второй этап (2013–2022 гг.), начало которого соотносится с приходом к власти в Китае Си Цзиньпина и инициированием им инициативы «Один пояс, один путь», – этап формирования сети партнерств. С 2013 г. развитие двусторонних дипломатических отношений Китая со странами Центральной Азии пошло по ускоренной траектории. Си Цзиньпин установил тесные личные и рабочие отношения с главами государств стран региона, и межгосударственные отношения стали выходить на новый уровень. Так, в мае 2013 г. Президент Таджикистана нанес визит в Китай, и обе стороны объявили об установлении стратегического партнерства. В сентябре 2013 г. в ходе визита Си Цзиньпина в Туркмению стороны приняли решение об установлении стратегического партнерства. В ходе визита Си Цзиньпина в Киргизию в сентябре 2013 г. страны подписали совместную декларацию об установлении отношений стратегического партнерства. В июне 2016 г. в ходе визита Си Цзиньпина в Узбекистан и его участия в 16-м заседании Совета глав государств ШОС Китай и Узбекистан приняли решение о развитии всеобъемлющего стратегического партнерства. В августе 2017 г. в ходе второго визита Президента Таджикистана в Китай и его участия в Диалоге стран с формирующимся рынком и развивающихся стран Китай и Таджикистан приняли решение о создании всеобъемлющего стратегического партнерства. В июне 2018 г. Президент Киргизии С. Жээнбеков нанес свой первый официальный визит в Китай для участия в саммите ШОС, в ходе которого Китай и Киргизия подписали совместное заявление об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства [Лю, Рыжов, Тарасова, 2023: 83]. И уже год спустя в рамках визита Си Цзиньпина в Бишкек в июне 2019 г. стороны подписали Совместную декларацию об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства. В сентябре 2019 г. Президент Казах-

стана посетил Китай по приглашению китайской стороны, и две страны приняли решение о развитии постоянного (может также переводиться как «вечного») всеобъемлющего стратегического партнерства. Таким образом,

к 2022 г. отношения с Казахстаном вышли на 1-й уровень партнерских отношений, с Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией – на 2-й уровень, а с Туркменией – на 3-й уровень (табл. 2).

Таблица 2

Сеть партнерств Китая со странами Центральной Азии

Уровень	Наименование уровня партнерства	Страна-партнер (год установления партнерства), точное наименование (в случае его отличия от общего наименования, указанного во втором столбце)
1-й уровень	Особое всеобъемлющее стратегическое партнерство (特殊全面战略伙伴)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Казахстан (сентябрь 2019 г.) – постоянное/вечное всеобъемлющее стратегическое партнерство (永久全面战略伙伴关系). ▪ Узбекистан (январь 2024 г.) – «всепогодное» всеобъемлющее стратегическое партнерство в новую эпоху (新时代全天候全面战略伙伴关系)
2-й уровень	Всеобъемлющее стратегическое партнерство (全面战略伙伴)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Казахстан (июнь 2011 г.). ▪ Узбекистан (июнь 2016 г.). ▪ Таджикистан (август 2017 г.) + углублено до «всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества в новую эпоху» (新时代全面战略合作伙伴关系) (июль 2024 г.). ▪ Киргизия (июнь 2018 г.) + углублено до «всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху» (新时代全面战略伙伴关系) (май 2023 г.). ▪ Туркмения (январь 2023 г.)
3-й уровень	Стратегическое партнерство (战略伙伴)	<ul style="list-style-type: none"> • Казахстан (июль 2005 г.). • Узбекистан (июнь 2012 г.). • Таджикистан (май 2013 г.). • Туркмения (сентябрь 2013 г.). • Киргизия (сентябрь 2013 г.).

Источник: составлено автором.

Третий этап (этап повышения партнерств со 2-го на 1-й уровень) берет начало с января 2023 г., когда в ходе государственного визита Президента Туркмении в Китай было объявлено о намерении вывести двусторонние отношения на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. Это событие стало очень символическим, поскольку свидетельствовало о достижении 2-го уровня партнерства (всеобъемлющего стратегического партнерства) во взаимодействии Китая со всеми 5 странами Центральной Азии. Как указывают китайские эксперты, Центральная Азия стала единственным соседствующим с Китаем регионом, где все страны вышли на уровень

всеобъемлющего стратегического партнерства с Китаем [Ши, 2024: 68].

Более того, с установлением в январе 2023 г. между Китаем и Туркменией всеобъемлющего стратегического партнерства в Китае заговорили о достижении Китаем и Центральной Азией «трех полных охватов» (三个全覆盖) – полного охвата всеобъемлющим стратегическим партнерством (что означает установление Китаем всеобъемлющего стратегического партнерства со всеми без исключения странами Центральной Азии), полного охвата реализации инициативы построения сообщества единой судьбы человечества (что указывает на признание всеми странами Центральной Азии

стремления к построению с Китаем сообщества единой судьбы¹) и полного охвата подписания документов о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь»². Достижение «трех полных охватов» способствует укреплению двусторонней стратегической коммуникации, совершенствованию механизмов координации политики, расширению торгово-инвестиционного сотрудничества, а также содействию региональному экономическому развитию.

В мае 2023 г. в ходе визита Президента Киргизии в Китай и его участия в саммите «Китай + Центральная Азия» стороны приняли решение об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху (新时代全面战略伙伴关系).

В январе 2024 г. в ходе визита Президента Узбекистана в Китай страны вывели отношения на уровень всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху (新时代全天候全面战略伙伴关系).

В июле 2024 г. Си Цзиньпин посетил Таджикистан с государственным визитом, и две страны приняли решение развивать всеобъемлющее стратегическое партнерство и сотрудничество в новую эпоху (新时代全面战略合作伙伴关系).

¹ В частности, 25 января 2022 г. на видео-саммите, приуроченном к 30-летию установления дипотношений между Китаем и странами Центральной Азии, было объявлено о создании сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии. Также в Сианьской декларации прошедшего в мае 2023 г. саммита «Китай + Центральная Азия» содержится положение о том, что стороны «подтверждают стремление в совместном создании более тесного сообщества единой судьбы Центральной Азии и Китая». См.: Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай – Центральная Азия» // CGTN. 19.05.2023. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-05-19/1659526778029502466/index.html> (дата обращения: 20.01.2025).

² 推动中国同中亚国家关系高水平发展 [Содействие развитию отношений на высоком уровне между Китаем и странами Центральной Азии] // Renmin ribao. 10.01.2023. URL: <https://www.vidaiivilu.gov.cn/p/301373.html> (дата обращения: 18.01.2025); «三个全覆盖» 见证中国-中亚务实合作提质升级 [«Три полных охвата» свидетельствуют о качественном повышении практического сотрудничества Китая и Центральной Азии] // Renminwang. 17.05.2023. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0517/c1002-32688244.html> (дата обращения: 18.01.2025).

Таким образом, на текущий момент партнерство Китая с 2 из 5 центральноазиатских государств достигли наивысшего – 1-го – уровня: постоянного/вечного всеобъемлющего стратегического партнерства с Казахстаном и «всепогодного» всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху с Узбекистаном. Для понимания значимости таких результатов следует учитывать общий контекст: на современном этапе число стран, достигших 1-го уровня партнерства с Китаем, до сих пор весьма ограничено.

Как указывает Ши Синь, в сфере высокой политики повышение уровня партнерства между Китаем и странами Центральной Азии обеспечило больше институциональных гарантий для двусторонних отношений, а также способствовало развитию культурного взаимодействия с целью достижения согласованности норм взаимодействия и, в конечном итоге, установления более высокого уровня взаимопонимания, доверия и сотрудничества [Ши, 2024: 82–83]. На институциональном уровне повышение уровня партнерства может сопровождаться совершенствованием механизмов межгосударственной коммуникации и обмена на всех уровнях, механизма межгосударственных комитетов сотрудничества и пр. Так, в частности, когда Китай и Таджикистан установили всеобъемлющее стратегическое партнерство, они выразили поддержку укреплению обменов и сотрудничества между руководителями законодательных органов двух стран. Когда Китай и Казахстан установили постоянное всеобъемлющее стратегическое партнерство, они предложили усовершенствовать механизм регулярных встреч премьер-министров [там же]. Когда Китай и Туркмения повысили уровень своего партнерства до всеобъемлющего стратегического партнерства, они предложили полноценно реализовывать координирующую роль Туркмено-китайского межправительственного комитета по сотрудничеству³.

Важно обратить внимание и на еще одну важную функцию механизма партнерств как

³ Полный текст: Совместное заявление КНР и Туркменистана // CGTN. 6.01.2023. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-01-06/1611352888669614081/index.html> (дата обращения: 15.01.2025).

инструмента дипломатической практики Китая. Избирательное установление и совершенствование партнерских отношений – их перевод на более высокий уровень – выступает эффективным инструментом выстраивания взаимодействия Китая с развивающимися странами. Иерархичная система партнерств мотивирует развивающиеся страны к углублению взаимодействия с Китаем с целью имиджевого повышения уровня партнерства, вносит элемент соревновательности среди развивающихся стран за то, кто достигнет более высокого уровня в китайской иерархии партнерств.

Модернизация многостороннего взаимодействия Китая со странами Центральной Азии: создание механизма «1 + 5». В выстраивании отношений со странами Центральной Азии Китай придает большое значение не только вектору двустороннего взаимодействия с каждой из стран региона, но и многосторонним платформам. На протяжении длительного времени многосторонней площадкой, на базе которой Китай развивал свое взаимодействие с центрально-азиатскими странами, была созданная в 2001 г. ШОС. На протяжении более двух десятилетий Китай эффективно реализовывал свои интересы посредством ШОС: эта организация предоставила Китаю прекрасную возможность проникновения и расширения своего присутствия в Центральной Азии при нивелировании противоречий с Россией (ввиду того, что на базе ШОС две державы имели возможность согласовывать свои интересы и инициативы в регионе); обеспечивала международную легитимность китайской кампании борьбы против «трех сил зла» и подходу к этническим беспорядкам в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (выдвинутая и развиваемая Пекином концепция «трех зол» нашла первые закрепления в официальных документах международных организаций именно в декларациях ШОС); открыла возможность для Китая получать разведданные и прочее содействие со стороны соседних стран в вопросах обеспечения безопасности в СУАР; способствовала развитию Китая компетенций управления крупными международными организациями и демонстрации роли ответственной великой державы (ШОС

стала первой межправительственной организацией, где Китай стал одним из основателей).

В китайской экспертной литературе широко отражена точка зрения о том, что второй многосторонней площадкой (после ШОС) для развития многостороннего взаимодействия со странами Центральной Азии стала инициатива «Экономический пояс Шелкового пути», предложенная Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. в Астане. Этот тезис повсеместно присутствует в китайской научной литературе, но не обосновывается.

Наконец, в 2023 г. был запущен третий механизм многостороннего взаимодействия Пекина с регионом – механизм на уровне глав государств «Китай + Центральная Азия» (далее в тексте – «Китай + 5»). По существу уже к 2020 г. в Пекине сформировалась убежденность в необходимости институционализации многостороннего взаимодействия с Центральной Азией путем создания новой специализированной платформы в дополнение к ШОС. Посредством ШОС, по-прежнему занимающей одно из приоритетных мест в китайской внешней политике, Пекин уже не мог в полной мере реализовывать свои интересы в Центральной Азии. Пекину нужен был диалоговый механизм, включающий все центрально-азиатские страны без исключения (в ШОС отсутствует Туркменистан, с которым Китай связывает тесное энергетическое сотрудничество), предназначенный специально для сотрудничества Китая с Центральной Азией (поскольку не все интересующие Пекин вопросы могут становиться частью повестки ШОС), а также способный выступать площадкой для многосторонней координации проектов в русле инициативы «Один пояс, один путь».

Большую роль в решении Пекина дополнить каналы многостороннего взаимодействия с регионом механизмом «Китай + 5» сыграл фактор расширения ШОС и особенно вхождение в ее состав Индии. С присоединением в 2017 г. к ШОС Индии и Пакистана произошли определенные изменения в деятельности организации. Во-первых, повестка дня ШОС естественным образом распространилась на Южную Азию,

а внимание, уделяемое Центральной Азии, по оценкам китайских экспертов, было ослаблено [Ян, Ван, 2024: 55]. Во-вторых, с вхождением Индии в ШОС Пекину стало сложнее реализовывать свои инициативы на платформе этой организации, особенно сложно стало продвигать инициативу «Один пояс, один путь». Уже в 2017 г. Индия категорически отказалась выражать свою поддержку китайской инициативе в Совместном коммюнике, принятом по итогам 16-го заседания Совета глав правительств государств – членов ШОС. Как дипломатично отмечает китайский эксперт Дэн Хао, эффективность и потенциал ШОС как платформы для продвижения инициативы «Один пояс, один путь» значительно снизились из-за возросшей внутренней неоднородности после первой волны расширения организации, усиления противоречий между некоторыми государствами-членами и особенностей механизма принятия решений в ШОС [Deng, 2022: 24–25].

По мнению другого китайского эксперта, Дэн Чжоу, основополагающей причиной создания механизма «Китай + 5» стала обострившаяся конкуренция между великими державами в Центральной Азии. Усилившееся великодержавное соперничество и изменение геополитической ситуации побудили ведущие державы скорректировать политику в отношении Центральной Азии, усилив участие в центральноазиатских делах [Дэн, 2024: 81]. Создание Пекином механизма «Китай + 5» носило отчасти реагирующий характер и отражало стремление не потерять инициативу в регионе на фоне развивавшегося тренда на создание или интенсификацию деятельности формата «1 + 5» другими крупными державами, особенно теми, в отношении мотивов которых в Пекине могли быть серьезные опасения. Так, например, в 2019 г. Вашингтон приступил к реанимированию созданного четырем годами ранее диалогового механизма глав внешнеполитических ведомств «США + 5»: за 5 лет (с 2019 г.) США и 5 стран Центральной Азии провели аж 7 встреч в рамках этого механизма, а в ходе встречи в сентябре 2022 г. было объявлено о создании секретариата. В сентябре 2023 г., вопреки ранее распространенной в

американских экспертных кругах убежденности в невозможности проведения встречи американского Президента с лидерами Центральной Азии ввиду репутационных издержек подобного рода встреч с лидерами недемократических государств, все же состоялся первый саммит в формате «США + 5». Индия, с которой Китай связывают далеко неоднозначные отношения, также начала активно развивать новый формат взаимодействия с регионом. В январе 2019 г. была проведена первая встреча министров иностранных дел Индии и 5 стран Центральной Азии. Был создан механизм диалога министров иностранных дел «Индия + 5» в качестве постоянно действующего, а в январе 2022 г. прошел первый онлайн-саммит лидеров Индии и стран Центральной Азии. Была принята Делийская декларация, в которой содержалось намерение институционализировать саммит «Индия + 5» и проводить его каждые 2 года. В целом, как указывает Дэн Чжоу, начиная примерно с 2019 г., крупные внерегиональные акторы, такие как США, Россия, ЕС (и его отдельные члены, такие как Германия) и Индия, активизировали усилия по расширению своего участия в делах Центральной Азии через механизм «1 + 5» [Дэн, 2024: 80].

Значимую роль в создании и развитии механизма «1 + 5» Китаем, равно как и другими крупными игроками в регионе, сыграла трансформация регионального ландшафта Центральной Азии, а именно – заданные в 2018 г. процессы формирования государствами Центральной Азии единого регионального взаимосвязанного пространства. Свидетельством этому стало введение в 2018 г. практики проведения регулярных саммитов глав государств Центральной Азии. Проведенная в марте 2018 г. по инициативе Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева консультативная встреча глав государств Центральной Азии стала первым после обретения независимости этими государствами прецедентом, когда лидеры государств встретились вместе без участия крупных держав для обсуждения региональных дел и совместного поиска решения региональных проблем. О развивающейся тенденции углубления внутрорегионального сотрудничества между странами Центральной

Азии свидетельствовали также подписание Узбекистаном и Казахстаном в декабре 2021 г. Декларации о союзнических отношениях, а также обнародованная в июле 2022 г. на 4-м саммите глав государств региона инициатива подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в. [Leksyutina, 2024: 147].

Анализ деятельности стран региона в 2018–2024 гг. свидетельствует о развитии таких тенденций, как:

а) складывание региональной идентичности (от государств региона все чаще исходят признания их общей цивилизационной идентичности; страны исходят из того, что Центральная Азия как единое целое более узнаваема в мире и имеет больше возможностей повысить свой вес при взаимодействии с миром);

б) развитие сотрудничества, сфокусированного на долгосрочных целях и проектах, приносящих коллективную пользу региону;

в) налаживание политического взаимодоверия (этому, в частности, способствует достижение странами в ходе переговоров по делимитации и демаркации государственных границ компромиссов в определении линий прохождения границ, что контрастирует, например, с острыми конфликтами в апреле 2021 г. и сентябре 2022 г. на киргизско-таджикской границе; в январе 2023 г. официально завершился процесс делимитации государственной границы между Узбекистаном и Киргизией, в декабре 2024 г. Киргизия и Таджикистан завершили описание общей государственной границы);

г) наращивание внутрирегиональной торговли и инвестиций (торговля внутри пятерки выросла почти в 2 раза за 5 последних лет с 5,7 до 11 млрд долл.);

д) продвижение странами региона строительства инфраструктуры и создания новых транспортных коридоров, а также более глубокая интеграция в мировую экономику.

Как указывают китайские эксперты, наблюдаемое с 2018 г. улучшение отношений между странами Центральной Азии, а также наметившийся прогресс в региональном сотрудничестве и интеграции создали

предпосылки для интенсификации участия крупных держав в делах Центральной Азии и побудили крупные внерегиональные державы изменить свой прежний акцент на двусторонних каналах при взаимодействии с Центральной Азией в пользу многостороннего подхода к взаимодействию одновременно со всеми 5 странами региона в формате «1 + 5» [Дэн, 2024: 83].

Таким образом, создание механизма «Китай + 5» стало ответом Пекина на меняющуюся региональную обстановку и обострившуюся конкуренцию великих держав в регионе, открывающие широкие возможности для Китая, но одновременно и ставящие перед китайской дипломатией новые вызовы и задачи. Современный этап взаимодействия Китая с регионом в целом воспринимается в Пекине как период стратегических возможностей для Китая в Центральной Азии. Так, разработка отдельными странами региона амбициозных национальных стратегий развития, их ориентация на внешнеэкономическую открытость и развитие региональной взаимосвязанности, курс на оживление экономики и создание благоприятного инвестиционного климата и пр. придали сильный импульс интенсификации их практического взаимодействия с Китаем. Более того, эскалация украинского кризиса и введенный против России санкционный режим, как отмечает Лю Итун, резко повысили роль стран Центральной Азии в строительстве «Пояса и пути» и одновременно усилили заинтересованность стран региона в углублении сотрудничества с Китаем и занятии более важного места в реализации этой китайской инициативы [Лю, 2022: 118].

Движимый всем комплексом указанных выше соображений Пекин в 2020 г. инициирует создание механизма регулярных многосторонних встреч министров иностранных дел «Китай + 5», постепенно дополняя его механизмами встреч глав различных министерств и профильных ведомств в шестистороннем формате, тем самым переводя обсуждение стратегических вопросов сотрудничества в предметную плоскость и стадию реализации. С 2023 г. механизм «Китай + 5» стал функционировать уже на уровне глав государств (самми-

ты запланировано проводить раз в 2 года). В мае 2023 г. состоялся первый саммит «Китай – Центральная Азия». Количество и содержательность принятых тогда инициатив демонстрируют решимость Пекина превратить этот шестисторонний механизм в главную площадку для координации своего практического многостороннего взаимодействия с регионом. На саммите были достигнуты 54 договоренности и инициативы по сотрудничеству, создано 19 механизмов и платформ многостороннего взаимодействия (включая механизмы регулярных встреч министров экономики и торговли, сельского хозяйства, транспорта, образования и т.д.), подписано 9 документов¹. Уже в марте 2024 г. был официально запущен секретариат механизма «Китай + 5» (со штаб-квартирой в китайском городе Сиань), который призван содействовать ускоренной реализации достигнутых между Китаем и странами Центральной Азии соглашений и договоренностей и качественному развитию торгово-экономического и иных форм сотрудничества между сторонами. С момента первого саммита «Китай + 5» прошло совсем немного времени, но за этот непродолжительный период новый формат успел обрести вполне четкие очертания, наполниться смыслом, институционализироваться, что позволяет прогнозировать сценарий превращения этого механизма в магистральную площадку многостороннего взаимодействия Китая со странами Центральной Азии, что в определенной степени девальвирует для Пекина ценность экономического вектора ШОС.

Заключение. Хотя повышение уровня партнерств Китая со странами Центральной Азии и создание Пекином новых многосторонних механизмов взаимодействия с регионом могут иметь свою собственную логику и причины, все это – инструментарий дипломатической практики Китая, подчиненной достижению единых целей и задач

внешней политики и защите национальных интересов государства. Анализ модернизации партнерств и многосторонних механизмов взаимодействия Китая с регионом позволяет говорить не столько об их специфике, сколько об обусловленности одними и теми же факторами и в целом их синхронности. Если мы говорим о периоде, последовавшем после 2001 г. (даты создания первой многосторонней площадки, открывшей возможность для динамичного взаимодействия Китая с Центральной Азией, – ШОС), оба процесса (модернизация партнерств и многосторонних механизмов взаимодействия Китая с регионом), равно как и в целом, дипломатическая активность Китая в регионе получили сильные импульсы к развитию дважды.

Сначала – в 2013 г., когда к власти в Китае пришел Си Цзиньпин, привнесший в идеологию внешней политики Китая много новых смыслов и концепций, и был дан старт инициативе «Экономический пояс Шелкового пути», в которой значимое место отводилось интенсификации взаимодействия с Центральной Азией, раскрытию транзитного потенциала региона, а также содействию инфраструктурному развитию и комплексной связанности Центральной Азии. Именно тогда китайские эксперты начали писать о появлении второй многосторонней площадки взаимодействия Китая с регионом в дополнение к ШОС – площадке «Экономического пояса Шелкового пути». И именно тогда ускоряется процесс повышения уровня партнерств Китая со странами Центральной Азии. Уже к середине 2018 г. все страны Центральной Азии (кроме Туркмении) переходят на высокий уровень партнерства с Китаем – всеобъемлющего стратегического партнерства.

Второй раз сильные импульсы, обусловившие новый виток модернизации партнерств Китая со странами Центральной Азии и создание нового многостороннего механизма взаимодействия Китая с регионом, проявились в 2019–2023 гг. Это было связано, с одной стороны, с налаживанием внутрорегионального взаимодействия в Центральной Азии и предпринимаемыми государствами Центральной Азии усилиями по формированию регионального взаи-

¹ Results of the «Central Asia – China» summit – 54 agreements and cooperation initiatives, 19 mechanisms and platforms, 9 multilateral documents // NCA. 20.06.2023. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/05/20/perechen-dogovoronnostey-i-initsiativ-v-ramkakh-formata-tsentralnaya-aziya-kitay> (дата обращения: 15.01.2025).

мосвязанного пространства, а с другой – с обострившейся конкуренцией великих держав в Центральной Азии. Именно тогда по инициативе Китая создается механизм «Китай + 5», по всем признакам способный и призванный стать главной площадкой многостороннего взаимодействия Китая со странами Центральной Азии. И именно тогда во взаимодействии с Центральной Азией Китай достигает задачу «трех полных охватов» – полного охвата всех 5 центрально-азиатских стран всеобъемлющим стратеги-

ческим партнерством, полного охвата всех 5 стран в вопросе их готовности к построению сообщества единой судьбы и полного охвата подписания всеми 5 странами документов о сотрудничестве в рамках инициативы «Пояс и путь». Эти результаты свидетельствуют о переходе китайской дипломатии в отношении стран Центральной Азии на качественно новый уровень, способный придать новую динамику развитию торгово-экономического и иных векторов сотрудничества Китая со странами региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Грачиков Е. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 83–93.
- Лю Цзяминь, Рыжов И., Тарасова Д. Взаимодействие Киргизии и Китая в рамках проекта «Один пояс, один путь». 2023. С. 82–94. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-4-82-94. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2023_04/13-Jiamin.pdf (дата обращения: 21.01.2025).
- Портяков В.Я. Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР // Общество и государство в Китае: XLI научная конференция. М.: Восточная литература, 2011. С. 204–207.
- Deng Hao. China's Diplomacy in Central Asia: Progress, Experiences and Approaches // China International Studies. 2022, July/August. P. 15–40.
- Leksyutina Ya.V. Chinese Policy in Central Asia in the Estimation of Chinese Experts // Russia in Global Affairs. 2024. № 22 (2). P. 141–154. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-2-141-154.
- 汪金国. 中国与中亚经贸合作的现状与未来展望 [Ван Цзиньго. Текущее состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая и стран Центральной Азии] // 人民论坛. 15.10.2024. URL: http://www.rmlt.com.cn/2024/1015/714324.shtml?show_loading=0&webview_progress_bar=1 (дата обращения: 19.01.2025).
- 邓轲. 大国与中亚国家间 «C5 + 1» 对话机制的发展现状, 动因与前景 [Дэн Чжэоу. Текущее состояние, мотивация и перспективы диалогового механизма «C5 + 1» между крупными державами и странами Центральной Азии] // 新疆大学学报 (哲学社会科学版). 2024. Т. 52. № 3. С. 78–85.
- 刘艺潼. 俄乌冲突下中亚地区地缘政治经济态势 [Лю Итун. Геополитическая и экономическая ситуация в Центральной Азии в условиях российско-украинского конфликта] // 俄罗斯学刊. 2022. № 5. С. 102–118.
- 詹德斌. 中国对外关系定位的三维审视 [Чжань Дебинь. Трехмерный обзор позиционирования Китая во внешних отношениях] // 学术交流. 2016. № 8. С. 86–90.
- 施欣怡. 中国的伙伴关系升级模式–以中国与中亚国家伙伴关系为例 [Ши Синьи. Модель модернизации партнерства Китая: на примере партнерства Китая со странами Центральной Азии] // 国际. 2024. № 6. С. 67–88. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.202406004.
- 杨恕, 王术森. 新形势下的中国中亚外交与中亚研究 – 杨恕教授访谈 [Ян Шу, Ван Шусэнь. Централь-ноазиатская дипломатия Китая и центральноазиатские исследования в новых условиях – интервью с профессором Ян Шу] // 俄罗斯研究. 2024. № 2. С. 47–65.

REFERENCES

- Deng Hao. China's Diplomacy in Central Asia: Progress, Experiences and Approaches // China International Studies. 2022. July/August. P. 15–40.
- Deng Zhou. Daguo yu zhongya guojia jian «C5 + 1» duihua jizhi de fazhan xianzhuang, dongyin yu qianjing // Xinjiang daxue xuebao (Zhexue shehui kexueban). 2024. Vol. 52. № 3. P. 78–85 [Deng Zhou. The Current Situation, Motivations and Prospects of the Development of the «C5 + 1» Dialogue Mechanism between Major Powers and Central Asian Countries // Journal of Xinjiang University. Series: Philosophy and Social Sciences. 2024. Vol. 52. № 3. P. 78–85].
- Grachikov E. Strategiya partnerskikh otnoshenii KNR: praktika i ee kontseptualizatsiya (1993–2018) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 63. № 3. S. 83–93. (In Russ.) [Grachikov E.

Chinese Partnership Strategy: Practice and Its Conceptualization (1993–2018) // *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63. № 3. P. 83–93].

Leksyutina Ya.V. Chinese Policy in Central Asia in the Estimation of Chinese Experts // *Russia in Global Affairs*. 2024. № 22(2). P. 141–154. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-2-141-154.

Liu Yitong. E wu chongtuxia zhongya diqu diyuan zhengzhi jingji taishi // *Eluosi xuekan*. 2022. № 5. P. 102–118 [*Liu Yitong.* The Geopolitical and Economic Situation in Central Asia under the Russian-Ukrainian Conflict // *Russian Journal*. 2022. № 5. P. 102–118].

Lyu Tszuyamin', Ryzhov I., Tarasova D. Vzaimodeistvie Kirgizii i Kitaya v ramkakh proekta «Odin poyas, odin put'». 2023. S. 82–94. (In Russ.) DOI: 10.20542/2073-4786-2023-4-82-94. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2023_04/13-Jiamin.pdf [*Liu Jiamin, Ryzhov I., Tarasova D.* Interaction between Kyrgyzstan and China within the Framework of the «One Belt, One Road» Project. 2023. P. 82–94. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-4-82-94. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2023_04/13-Jiamin.pdf] (date accessed: 21.01.2025).

Portyakov V.Ya. Partnerstvo kak instrument sovremennoi vneshnei politiki KNR // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XLI nauchnaya konferentsiya*. M.: Vostochnaya literatura, 2011. S. 204–207. (In Russ.) [*Portyakov V.Ya.* Partnership as a tool of Modern Chinese Foreign Policy // *Society and State in China: XLI Scientific Conference*. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011. P. 204–207].

Shi Xinyi. Zhongguo de huoban guanxi shengji moshi – yi zhongguo yu zhongya guojia huoban guanxi weili // *Guoji*. 2024. № 6. P. 67–88. [*Shi Xinyi.* China's Partnership Upgrade Model: A Case Study of China's Partnership with Central Asian Countries // *International*. 2024. № 6. P. 67–88]. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.202406004.

Wang Jinguo. Zhongguo yu zhongya jingmao hezuo de xianzhuang yu weilai zhangwang // *Renmin Luntan*. 15.10.2024. URL: http://www.rmlt.com.cn/2024/1015/714324.shtml?show_loading=0&webview_progress_bar=1 [*Wang Jinguo.* The Current Situation and Future Prospects of Economic and Trade Cooperation between China and Central Asia // *People's Forum*. 15.10.2024. URL: http://www.rmlt.com.cn/2024/1015/714324.shtml?show_loading=0&webview_progress_bar=1] (date accessed: 19.01.2025).

Yang Shu, Wang Shusen. Xn xingshixia de zhongguo zhongya waijiao yu zhongya yanjiu – Yang Shu jiaoshou fangtan // *Elosi yanjiu*. 2024. № 2. P. 47–65 [*Yang Shu, Wang Shusen.* China's Central Asian Diplomacy and Central Asian Studies under the New Situation – Interview with Professor Yang Shu // *Russian Studies*. 2024. № 2. P. 47–65].

Zhan Debin. Zhongguo duiwai guanxi dingwei de sanwei shenshi // *Xueshu jiaoliu*. 2016. № 8. P. 86–90 [*Zhan Debin.* A Three-Dimensional Review of China's Positioning in Foreign Relations // *Academic Exchange*. 2016. № 8. P. 86–90].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация).
E-mail: lexyana@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana V. Leksyutina, doctor of political sciences, professor of Saint-Petersburg State University, professor of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation).
E-mail: lexyana@yandex.ru